

Мѣсто выхода ея:

Дата и № 40

19/2/100

«Съве

Въ Москвѣ.

Вчера Москва, — чуткая и отзывчивая къ прекрасному Москва, — отдала послѣдний скорбный долгъ свѣтлой памяти чудной артистки.

Въ хмурый день привезли ея тѣло, и московское солнце не улыбнулось ей прощальнымъ привѣтомъ. И на душѣ было хмуро, и не нужными казались сѣрыя и скучные слова, которыхъ то тутъ, то тамъ раздавались въ толпѣ ожидающихъ.

Каланчевская площадь залита народомъ. Только широкой полосой бѣлѣетъ среди черной толпы оставленный свободнымъ проѣздъ отъ воротъ Рязанского вокзала къ Николаевскому. Усиленные наряды полиціи. Гарцуя тѣ конные городовые.

Это скорѣе создаетъ впечатлѣніе какого то парада, ожиданія прїѣзда знатной особы, чѣмъ прибытія тѣла служительницы искусства. И это кажется ненужнымъ.

На платформѣ — только избранные: близкіе локной, депутаты, представители театровъ, редакцій и учрежденій.

Съ напряженнымъ вниманіемъ вглядываются въ темнѣющую даль, откуда долженъ прійти печальный поѣздъ. На лицо вся литературная и театральная Москва, объединенная общей великой скорбью о любимой артисткѣ.

Жестокая смерть, на далекой окраинѣ наложившая свою холодную руку на Комиссаржевскую, лишила москвичей послѣднаго утѣшнія: еще разъ, въ послѣдній разъ, взглянуть на дорогое лицо, чтобы ярче, неизгладимѣе врѣзались въ память ея черты. Тѣло привезли въ свѣтловомъ наглухо запаенномъ гробу, и тамъ, подъ его тяжелой неподвижной крышей, навсегда скрыта бренная оболочка той, у которой была такая яркая, горѣвшая чуднымъ пламенемъ, душа. И отъ этой невозможности еще разъ, одинъ только разъ, видѣть се, — еще больнѣе склонилось сердце и тоскливо дѣгалось на душѣ.

Поѣздъ опаздываетъ. Темнѣльно тянутся минуты, но толпа, наводнившая площадь, ждетъ терпѣливо, и много трогательнаго въ этомъ ожиданіи многотысячной толпы. Чего ждуть? Только возможности взглянуть на гробъ, который пронесутъ черезъ площадь, и прощальнымъ взоромъ проводить его навсегда...

Какая пестрая толпа! Молодежь и старики, фуражки и мѣховыя шапки, потертыя пальтишки и дорогія шубы, — и всѣхъ ихъ объединило одно великое чувство скорби по той, жизнь которой сгорѣла на служеніи имъ.

Пришелъ поѣздъ. Отслужили литію и перенесли гробъ на Николаевскій вокзалъ. Длинной вереницей потянулись депутаціи съ вѣнками. Всѣ стѣнки вагона увѣшаны вѣнками. Всѣдѣ цвѣты, цвѣты... Ихъ такъ любила покойная Вѣра Федоровна.

Но не въ вѣнкахъ, не въ депутаціяхъ, растянувшихся вдоль безконечно длинной платформы, вылилось все искреннѣе горе Москвы. Оно было тамъ, на площади, за оградой вокзала, въ огромной молчаливой толпѣ, у которой не было входныхъ билетовъ. Тамъ была Москва... И оттуда долетѣло до гроба послѣднее искреннѣе: «прощай!»